

DOI: 10.17805/zpu.2016.1.5

Эпистемологический реализм в контексте идей В. С. Соловьева

О. Б. Куликова

(ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Эпистемология рассматривается как сложившийся в эпоху Нового времени особый тип учений о познании, не опирающихся непосредственно на определенный онтологический базис. Отличие эпистемологии от гносеологии видится в том, что последняя всегда обусловлена таким базисом. В свою очередь, эпистемологический реализм понимается как философская платформа, позволяющая осмыслить проблемы познания в согласовании с некоторой онтологической позицией. В целом эпистемологический реализм представ-

лен как обоснование возможности для научного познания приближаться к истине как идеалу знания, выражению сущности познаваемого, что с необходимостью предполагает обращение к онтологической проблематике.

В статье показано развитие реалистского направления в эпистемологии XIX–XX вв. от наивного реализма к реализму научному. Указывается, что в русской философии реализм нашел и своих критиков, и последователей. Главным образом имеется в виду философия В. С. Соловьева, который в контексте учения о всеединстве дал характеристику эпистемологическому реализму, а также предвосхитил некоторые тенденции его дальнейшего развития. Рассматривается критическая позиция Соловьева по отношению к наивному реализму, который был характерен для теории познания позитивизма. Показана обоснованность этой соловьевской критики.

Дальнейшее развитие реализма в западной эпистемологии XX в. представлено тремя его версиями: неореализма, критического реализма и научного реализма. Они соотнесены с определенными установками философского учения В. С. Соловьева. Современный научный реализм проанализирован как наиболее убедительная позиция в обосновании возможности научного познания приближаться к истине. В данном отношении показаны определенные созвучия гносеологии Соловьева с научным реализмом.

Ключевые слова: эпистемология; гносеология; онтологические основания эпистемологии; эпистемологический реализм; В. С. Соловьев; наивный реализм; позитивизм; неореализм; критический реализм; научный реализм

ВВЕДЕНИЕ

Реализм как эпистемологическая позиция вырастал в недрах новоевропейской философии, которая стала не только выражением откровенного крена в сторону проблем познания, но и заката классических философских учений. Теории познания Нового времени — их и следует, собственно, называть эпистемологией — выстраивались без прямых онтологических отсылок, как это диктовала многовековая традиция. В классической философии, как известно, теоретико-познавательный (или, как было принято называть, гносеологический) компонент выступал как периферийный по отношению к онтологическому базису.

Эпистемология не могла не выступить одновременно и обоснованием науки как некоего эталонного познавательного процесса, и способом соотнесения его с познавательными процедурами иного рода. Эпистемологические модели стали предвестием философии науки, истории науки, а также многообразных социологических интерпретаций научного познания и знания. Эпистемология ориентировалась на понимание познавательных действий и условий их осуществления через призму возможностей получения оптимального результата, названного истиной.

В свою очередь, проблематика и само понятие истины являлись наследием классических онтолого-гносеологических доктрин, а потому они так или иначе делали неизбежными некоторые онтологические отсылы. Эпистемологический реализм следует считать способом решения такой задачи. Это обусловило его связь с известными традициями Античности и Средневековья, первоначально, правда, не отрефлексированную самими последователями эпистемолого-реалистской платформы. При этом среди ее идейных истоков безусловный приоритет имеет субъект-объектная модель, однозначно принятая в эпистемологии с подачи Р. Декарта, став своеобразным стандартом не только для самой эпистемологии, но и практически для всех отраслей социогуманитаристики.

В русской философии XIX в., когда последняя как таковая и начинается, собственно, разворачиваться, реализм нашел своих последователей и критиков. Надо отметить, что в тот период реализмом на русской почве называлась в основном совокупность

взглядов, противоположных философскому идеализму, многие русские мыслители (в том числе и В. С. Соловьев — ключевая фигура отечественной философии) рассматривали реализм в качестве общемировоззренческой, а в общем-то идеологической позиции. В этой специфике русский реализм был и продолжает оставаться предметом исследований (см., напр.: Зеньковский, 2008; Абрамов, 2005; Добронравов, 2000; Ермичев, 1997; Коробкова, 2012; и др.). Понятие «реализм» вошло в арсенал русской философии, послужив основой для ряда производных понятий («мистический реализм», «абсолютный реализм», «идеал-реализм»), характеризующих ее ключевые черты. Такие понятия стали широко использовать систематизаторы и исследователи отечественных философских традиций (Бердяев, 1910; Зеньковский, 2001: 39–43, 2008; Гайденко, 1999, 2001; Евлампиев, 1995; Абрамов, 2005; и др.).

В свою очередь, внимание к эпистемологическому реализму и его историческим трансформациям стало в последние десятилетия весьма заметной тенденцией в развитии и отечественной (см.: Макеева, 2009, 2011; Юлина, 2010; Лекторский, 2009; Касавин, 2013; Порус, 2002; Мамчур, 1999; Ладов, 2009; Головкин, 2013; и др.), и зарубежной (Браун, 2003; Boyd, 1989; Fraassen, 1980; Laudan, 1981; Niiniluoto, 1999; Putnam, 1979, 1982; Smart, 1963; и др.) философской мысли. Данные проблемы относятся и к области основных научных интересов автора (см.: Куликова, 2002а, 2005, 2009, 2010аb, 2011, 2012, 2013).

Во многом такое внимание к идейно-регулятивному потенциалу эпистемологического реализма обусловлено изменениями, объективно происходящими в системе научно-познавательной деятельности и ставящими весьма острые проблемы перед эпистемологией и философией науки. В ситуации угрозы для сохранения идентичности научного познания, когда утрачиваются внутринаучные (междисциплинарные) системные связи, нарастает лавина псевдо- и паранауки, обращение к проблемам его фундаментальных идейных оснований становится особенно значимым. Реалистскую эпистемологическую платформу следует признать в этом отношении весьма перспективной. Она предстает способом обоснования самой возможности и необходимости научного познания, представляющего собой коллективно согласованный процесс человеческого освоения мира. Реалистские установки обеспечивают (и об этом в целом свидетельствует судьба реализма) осмысленность и определенность научно-познавательной деятельности как особо организованной формы интеллектуального (теоретического) творчества, указывающего на горизонты объяснительного потенциала человеческого разума. Все это делает актуальным обращение к многоаспектному анализу эпистемологического реализма.

В свою очередь, осмысление теории познания В. С. Соловьева в ее соотнесенности с эпистемолого-реалистскими идеями заслуживает внимания в контексте усилившегося в последние два десятилетия интереса к отечественным духовным традициям. Сквозь призму реалистского уклона, представляющего собой некоторую сквозную идейную линию европейской философии, вполне корректно можно высветить как своеобразие русской философской мысли, так и ее определенную сообразность развитию мировой.

Если говорить о реализме в эпистемологическом ракурсе, то его включенность в той или иной мере в ткань русской (и соловьевской) философии, не выступала предметом специального исследования, за исключением реализма наивного, который рассматривался преимущественно как аспект противостояния идеализму. Критика наивного реализма Соловьевым не обойдена вниманием исследователей его творчества

в XX в. (см., напр.: Лопатин, 1901; Мотрошилова, 1997; и др.). Однако за пределами такого внимания остались те аспекты соловьевской гносеологии, которые, собственно, и имеют определенное созвучие с эпистемолого-реалистской платформой в ее широком выражении, а в особенности с такой вариацией платформы, как научный реализм.

Предлагаемая работа нацелена на выявление реалистских интуиций в гносеологическом учении В. С. Соловьева, причем с учетом того, что сам русский философ вполне справедливо указал на проблемные места реализма в целом. Следует отметить, что автор уже обращалась в разных аспектах к анализу теории познания Соловьева, чему посвящен целый ряд ее статей (см.: Куликова, 2000, 2001, 2002b, 2003, 2008ab, 2010c).

ТЕЗИС О ВНЕШНЕЙ ДАННОСТИ ОБЪЕКТА КАК ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗМА:

КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА

В. С. Соловьев представлял собой тип философа, не только уловившего вызовы своего времени, но и удивительным образом предвосхитившего многие тенденции философских поисков будущего. Его учение можно считать одним из узловых пунктов развития мировой философской мысли как таковой, т. е. философии как мысли о всеобщем.

Соловьев не мог не обратить внимания на позитивизм, ставший в России в последней трети XIX в. определенной философской модой, и на специфический аспект позитивистской теории познания — наивный реализм. Надо отметить, что данный нюанс их течения самими первыми позитивистами, по сути, не был достаточно отрефлексирован.

Наивно-реалистские установки в целом означали однозначность и отчетливость состояния объекта познания, возможность его адекватной и непосредственной восприимчивости субъектом, совпадавшей в этом контексте с его познаваемостью¹. Субъект (в позитивизме сугубо эмпирический) понимался предельно унифицированно как некая надындивидуальная перцептивность сама по себе. Причем этот субъект признавался, безусловно, и заслуживающим доверия.

Однако не было объяснено в данном ключе, как субъект, воспринимая случайное, единичное, ситуативное, может обнаруживать регулярное, постоянное, — именно то, что называется законами природы. В представлении О. Конта, как известно, научное познание нацелено все-таки на открытие собственно законов мироустройства (Конт, 2001: 24), выражающих собой, по его мысли, постоянные отношения, существующие между наблюдаемыми явлениями (там же: 20). Законы, как считал основатель позитивизма, напрямую должны выводиться из наблюдаемых явлений, что и позволяет им выступить основой прогнозирования как выведения одного факта из другого (там же: 23, 24).

Для Соловьева задача науки, казалось бы, состояла в том же. Наука (научное познание), подчеркивал он, предназначена для того, чтобы «узнать законы явлений» (Соловьев, 1990b: 652). Но Соловьев в отличие от Конта рассматривал закон не выражением общего в явлениях, не результатом суммирования фактов, а в качестве постоянного и необходимого отношения явления к другим явлениям или того в явлениях, что есть везде и всегда (там же). Выход в сферу такого знания означал для него тем самым выход в сферу умознания, которое позитивистами, как известно, рассматривалось главной угрозой для науки и потому подвергалось остракизму.

Такое отношение к умознанию (собственно, теоретическому творчеству) было органично для позитивистской программы в целом, что и свидетельствовало о ее наив-

но-реалистской ориентации. Это не укрылось от внимания Соловьева и стало особым предметом его критики.

Для В. С. Соловьева суть реализма (для него это был именно позитивистский — наивный — вариант) сводилась к трем положениям: 1) принятию «внешней реальности за безусловное, или подлинное, бытие», 2) пониманию соответствия нашего познания с этой реальностью как критерия его истинности и 3) признанию чувственного опыта, в котором она воспринимается, «единственным истинным познанием» (там же: 632–633). Особым предметом рассмотрения и одновременно предметом соловьевской критики стал именно первый из тезисов, в связи с которым Соловьеву удалось обратить внимание на «болевы точки» эпистемологического реализма в целом.

Для русского философа внешняя данность, независимость объекта (в его единичной конкретности) от субъекта и возможность познания его субъектом несовместимы. Он вполне категорично замечает, что «всякий реализм, т. е. всякое признание самобытной действительности за внешним объектом, будь то объект рассудка или же объект чувственной эмпирии, одинаково бессмысленно... и есть... нелепость...» (Соловьев, 1990а: 42).

Следуя убеждениям и всей логике учения о всеединстве, Соловьев, как справедливо подчеркнул С. Б. Рощинский, направил «полемический выпад в сторону позитивизма. Поскольку его представители... абсолютизировали именно это частное бытие в его “внешней особенности и отдельности”», признавая его «единственным предметом опыта» (Рощинский, 2010: 7). Для Соловьева это означало крайний релятивизм и отрицание истины. Частное бытие, доступное эмпирическому познанию, не есть сущее и, следовательно, не есть истина, ибо «сущее как истина не есть многое, а есть *единое*» (Соловьев, 1990b: 692; курсив автора. — О. К.). Соловьев поясняет: «...многие вещи сами по себе не могут быть истиной, потому что если они различаются друг от друга, так что одна вещь не есть другая, то каждая в своем различии от другой не может быть истиной, ибо тогда истина различалась бы сама от себя или истина была бы не истиной, следовательно, эти многие вещи не могут быть самою истиной...» (там же). Последняя мыслилась им как сущее, не совпадающее с непосредственно воспринимаемым, но соединяющее его с тем, что за его пределами, что сокрыто и значимо.

*ИДЕАЛ НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ И ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЙ
ЭПИСТЕМОЛОГО-РЕАЛИСТСКОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ*

В. С. СОЛОВЬЕВА

Безусловно, в соловьевской гносеологии выражен глубокий онтологизм, к которому при разрешении вопросов теории познания, как отмечал В. В. Зеньковский, все русские философы были очень склонны, «за исключением небольшой группы правоверных кантианцев» (Зеньковский, 2001: 21). В. Ф. Эрн, в свою очередь, не просто указывал на своеобразную и органичную связь онтологии и гносеологии В. С. Соловьева², а справедливо считал ее главным достоинством последнего, ибо гносеология никак не может считаться «творчеством из ничего», т. е. без онтологических корней (Эрн, 1994: 169). Именно онтологическая обоснованность соловьевской гносеологии, отмечает вполне правомерно В. Ф. Эрн, обусловила наличие в нем перспективных идей, порой даже только пунктиров, каждый из которых настолько «гениален и вдохновенен», что «неволью заражает творческим жаром того, кто начинает в него вглядываться» (там же: 259).

С другой стороны, это пренебрежение онтологической проблематикой обусловило отсутствие системности в позитивистских учениях, что вынуждало последователей О. Конта искать для всякого выдвигаемого положения специальных (*ad hoc*) обоснований и не могло не сказаться на созданном ими образе научного познания. В целом, как известно, позитивисты исключали необходимость универсалистской ориентации последнего, рассматривавшуюся ими как прямое наследие догматизированного метафизического мышления, которое надлежало, по их мнению, преодолеть. Но необходимость каким-то образом обосновать целостность науки как познавательного предприятия не снималась с повестки дня. Потому возникла своеобразная потребность создания так называемой научной философии, т. е. философии, поставленной в прямую зависимость от конкретно-научных знаний.

Разработки такой философии стали попытками несколько компенсировать отсутствие онтологического обоснования в позитивистской модели познания. На первый взгляд они могут считаться продолжением традиций универсальной философии, проекты которой были характерны еще для эпохи Просвещения. Проекты эти обусловили, по словам Э. Гуссерля, «и страстный порыв к образованию, и энтузиазм в осуществлении философской реформы системы воспитания и всех социальных и политических форм существования человечества» (Гуссерль, 1992: 141). Однако, несмотря на универсалистские претензии, выстраивавшиеся просветителями проектов, результатом их стало, как с понятным сожалением констатировал Э. Гуссерль, отделение «позитивной» науки от философии (становление собственно позитивизма) и существенный поворот в судьбе самой философской мысли. Позитивизм стал закономерным итогом просвещенческих устремлений.

При этом ставший впоследствии для всех очевидным успех научно-познавательного предприятия начал рассматриваться залогом успеха всего того, что «освящалось» включенностью науки. Вполне понятен был подобный расчет для создателей моделей научной философии новой волны, складывавшейся во второй половине XIX в.

Один из вариантов научной философии в конце 70-х годов XIX в. разрабатывался, например, В. В. Лесевичем — российским последователем О. Конта. Причем Лесевич назвал как одно из главных препятствий, не позволивших самому О. Конту построить научную философию, то, что его схема наук «слишком часто перегибается в наивный реализм» (Лесевич, 1915: 634). Конт, как считал Лесевич, не сумел последовательно провести критический реализм, который единственно, по его мнению, и может стать основой научной философии. Если говорить о проекте самого Лесевича в целом и о его критическом реализме в частности, то, по сути, он предстал попыткой соединить критицизм И. Канта и учение о позитивной науке О. Конта. Об этом достаточно определенно заявлял сам автор (там же: 461–462), которому, однако, так и не удалось доказать, что связь научного знания и философского умозрения органична. Причиной тому стало преувеличенное внимание Лесевича к психологической стороне познания, но при этом им полностью был «оставлен без внимания вопрос об “объекте” познания» (Зеньковский, 2001: 670). Тем самым и реализм был сведен к нулю, а критицизм привел автора к признанию относительности и условности всякого знания.

Надо отметить, однако, что идеал научной философии выступал одним из сопряженных с реализмом (в его разных вариантах) факторов развития эпистемологии. Так, в начале XX в. задачу построения философии на «твердой почве» научного знания — и, казалось, достаточно фундаментально — поставили перед собой и неопозитивисты Венского кружка. Важным идейным истоком этого стала одна из особых

версий реализма — неореализм, о котором речь пойдет далее. При этом, правда, сами неопозитивисты достаточно долго обходили вниманием проблему реальности саму по себе, опасаясь из-за нее глубоко завязнуть в метафизике.

Зарождавшийся в XIX в. эпистемологический реализм, с одной стороны, продемонстрировал невозможность для учений о познании быть полностью элиминированными из онтологической проблематики, с другой — представлял собой альтернативу крайностям чрезмерно онтологизированных учений немецкой классической философии — учения Г. В. Ф. Гегеля прежде всего. И здесь вполне можно усмотреть определенную солидарность Владимира Соловьева с такой критической установкой утверждавшегося реализма. В противовес Гегелю он не принимал идею предзаданности миропорядка к познанию, как не принимал и кантианское принципиальное сомнение в познаваемости его.

Соловьев пошел дальше эпистемологических реалистов XIX в. в том, что понимал иначе динамику и смысл человеческого познания. В частности, он не разделял их кумулятивистские представления в отношении роста (научного) знания. Это позволяет видеть в русском философе предшественника эпистемологических тенденций XX в. в целом и версий эпистемологического реализма (научного реализма) в частности.

Владимиру Соловьеву удивительным образом удалось уловить в реализме XIX в. различные оттенки этого широкого течения, которые лишь впоследствии стали явными и которые он назвал видами («степенями») реализма — феноменальным, критическим, отвлеченным, исключительным и др. (Соловьев, 1990b: 631–636, 645, 679, 681). При этом надо признать, он не нашел им оправдания в контексте своего учения о всеединстве, органичной частью которого была его гносеология.

Соловьев, казалось бы, расхохотался с реалистским уклоном в эпистемологии в самом главном, считая, что реализм не ведет в научном познании дальше указаний на явления и их обобщений (последовательностей) и значит, не дает ответа на вопрос о том, «каким образом сущность вещей может переходить в наше познание» (там же: 636). Русский философ подчеркивал, что «реальность познаваемого», т. е. его независимость от познающего субъекта, сделала бы, как он утверждал, невозможным познание как таковое (там же: 638). Именно в этом, по мнению Соловьева, заключены недостатки научного познания. Впрочем, здесь вполне справедлив и упрек самому Соловьеву в том, что научное познание он мыслил вполне в позитивистском духе³ — как познание сугубо эмпирическое, а потому и подвергаемое им критике.

Соловьев четко указал на необходимость пересмотра позитивистских эпистемологических моделей, а также сопутствовавших им реалистских идей, предвосхитив тенденции к онтологизации и эпистемологии, и философии науки в XX в.

*ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
В НАЧАЛЕ XX в. И СОЛОВЬЕВСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЗНАНИЯ:
ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ И СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ ОТНОШЕНИЕ*

В наивном реализме позитивистского толка, как отмечалось, отсутствовали прямые онтологические ориентиры, и этот «недостаток», в еще большей степени наследовали так называемые вторые позитивисты, отказавшись вообще от осмысления познаваемого в качестве существующей самой по себе реальности. Феноменализм второго позитивизма предстал позицией не просто критики реализма, но откровенной альтернативой ему. Одновременно махизм предстал и особой версией релятивизма с явно выраженными и антирационалистическими установками.

Все это стало проблемой не только эпистемологической, но и общенаучной, поскольку означало серьезное отступление от самих принципов научного познания. Самое главное — эмпириокритицизм Э. Маха поставил под сомнение необходимость ориентации научного познания на поиск объективной истины. Все это не могло не вызвать своеобразной защитной реакции со стороны самих участников научно-познавательной деятельности. По сути, встал вопрос о сохранении ее идентичности, о сохранении принципов научного познания.

В атмосфере дискуссий по этим проблемам в первые десятилетия XX в. появляются две реалистские платформы — неореализм и критический реализм, приверженцы которых стремились вернуть в эпистемологию, а также и в философию науки определенный онтологический контекст. Под влиянием первого, как известно, постепенно начинается подъем неопозитивизма (логического эмпиризма), ставшего, в свою очередь, предтечей аналитической философии во всем ее проблемно-тематическом многообразии.

Сам по себе неореализм (Дж. Э. Мур, ранний Б. Рассел, целый ряд американских мыслителей — У. П. Монтегю, Р. Б. Перри и др.), к сожалению, не показал серьезных перспектив для существования. Сторонникам его не удалось преодолеть тех «риффов», которые выросли, если можно так сказать, естественно-логически из позитивистского наивного реализма и феноменализма (плоского эмпиризма) с привитым к ним так называемым здравым смыслом⁴. Неореалисты в целом надеялись на преодоление случайностей, неизбежных в эмпирическом познании, устойчивостью здравого смысла и обыденного языка.

Для Соловьева, которому судьба не предоставила возможности быть знакомым с этими реалистскими веяниями, обозначенная задача могла быть решена прямо противоположно. Истина для него не могла быть случайным утверждением и зависеть от здравого смысла (Соловьев, 1990b: 661–666). Путь к ней лежит через умозрение, которое, будучи у него выражением необходимого и всеобщего, наделено онтологическим статусом. В умозрении, по мысли автора, достигается тождественность объективности и равной обязательности для всех (там же: 665). Выход за пределы явлений, «допущение такой трансцендентальной способности нашего ума» уже, по мысли Соловьева, не может согласовываться с отвлеченным эмпиризмом (там же: 656).

Собственно, проблема, на которую по-своему и в свое время вышел Соловьев, и явилась действительной причиной угасания линии неореализма. Но это стало стимулом к усилению позиций критического реализма в европейской и американской философии. Критические реалисты (в большинстве своем это представители американской школы — Д. Дрейк, Дж. Пратт, А. О. Лавджой, Дж. Сантаяна, Р. В. Селларс и др.), как известно, стали постулировать участие в познавательных процедурах опосредующего ментального компонента (некоей близкой кантовским априорным формам инстанции) для достижения адекватной данности объекта сознанию субъекта⁵.

Однако в связи с размышлениями участников движения об этом новом компоненте в нем очень скоро обнаружился раскол. Как убедительно показала Н. С. Юлина, критический реализм в целом стал манифестацией эпистемологического дуализма (Юлина, 2010: 112–115), фактически исчерпав себя как перспективная платформа в решении проблем познания.

Неореализм и критический реализм оставили нерешенными важные эпистемологические проблемы о происхождении прогностического и объяснительного потенциала человеческого (научного, в том числе) познания. Остался без ответа и вопрос

о том, как может реальность, будучи внеположенной субъекту, получать соответствующее (должное) выражение в его сознании.

В. С. Соловьев, в свою очередь, рассматривал познание как процесс единения субъекта с объектом, а точнее единения (или резонирования) *идеи* субъекта с *идеей* объекта. Субъект у него может открыть в объекте именно то, что соотносится с его собственной идеей, может понять только то, что находится в нем самом (Соловьев, 1990b: 694, 729). Образ объекта, по его представлению, возникает у субъекта через отнесение к определенной идее, «которая существует в нашем духе, независимо от ощущений и от мыслей», скрывается в бессознательных глубинах нашего духа (там же: 730). Философ также особо отмечал обусловленную этим способность человеческого духа не только следовать за фактами, но и предвещать их (там же: 586). Субъект, отмечает он, в своем истинном бытии существует и познает себя в неразрывной внутренней связи со всем, а через то и тем самым и все в себе (там же: 694). Истинное познание, считает мыслитель, «предполагает между познающим и познаваемым такое отношение, в котором они соединены друг с другом... существенной и внутренней связью» (там же: 720). Поскольку человек познает предмет, постольку, утверждает русский философ, этот предмет «перестает быть внешним, потому что входит в формы нашего внутреннего, психического бытия...» (там же: 638). Эти онтологические тезисы прочно встроены в соловьевскую гносеологию, обуславливая ее системность.

Признавая соотносимость в познании идеи (или сущности) субъекта с идеей объекта, главным инструментом указанного взаимодействия Соловьев считает мистические способности или веру (там же: 724, 726, 727, 729). В этой связи позиция Соловьева определяется как мистический реализм или, несколько иначе, спиритуалистический реализм (так, в частности, его характеризует П. П. Гайденко (Гайденко, 1999: 115; 2001: 337)). Вяч. Иванов, в какой-то степени имевший в виду нечто идейно близкое, отмечает, что «Соловьев — реалист, ничего не выдумывающий, и вместе символист, потому что все в природе и душе трепещет для него близко дышащую скрытую жизнью и подает весть о сущем, прикрывшемся покрывалами божественной символики видимого мира» (Иванов, 1979: 306).

Думается, реализм в теории познания Владимира Соловьева не столько мистического, сколько некоего оптимистически пророческого (прогностического) свойства, в соответствии с чем и отвергается скептицизм, признается его *неестественность* как человеческой познавательной установки. А самое главное, соловьевская гносеологическая позиция в этом плане направлена против релятивизма, лишившего познание вообще и научное в частности главного — быть способом успешного саморазвития человека (человечества).

Кроме того, реалистские интенции соловьевской гносеологии существенно отличаются от реализма многих, кто в русской философии наследовал проблематику всеединства. Так, С. Л. Франк, для которого был также характерен онтологизм в построении теории познания, создает особый подход, названный им самим абсолютным реализмом. Последний у него означает отождествление реальности с непостижимым, или с необъяснимым (Франк, 1990: 372). Проникновение в сферу такого непостижимого для Франка *безусловно* осуществимо, ибо он, отказавшись от субъект-объектной дихотомии, мыслит познание как актуализацию посредством интуиции потенциального, заключенного в человеческом «Я». Как справедливо делает вывод П. П. Гайденко, Франк считает, что «не нужно никаких усилий для того, чтобы непосредственно знать все, с чем мы вообще когда-либо встречаемся» (Гайденко, 1999: 126).

Такая позиция, по сути, есть отказ от реализма как такового. Ведь в основании любой версии реализма лежит постулат о том, что познающий и познаваемое онтологически не совпадают, хотя их отношения принципиально могут быть согласуемы, что уже специфически конкретизируется в каждой из версий. Со всей очевидностью созданная Франком модель в общем-то беспроблемного интуитивного познания ни в какой мере не могла бы устроить Соловьева.

НАУЧНЫЙ РЕАЛИЗМ И РЕАЛИСТСКИЕ ИНТЕНЦИИ
ГНОСЕОЛОГИИ В. С. СОЛОВЬЕВА:

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТНОЙ ПОЗНАВАЕМОСТИ МИРА

Реалистский тренд в эпистемологии и философии науки не утратил своей значимости, трансформировавшись во второй половине XX в. в линию так называемого научного реализма. В ее рамках была обоснована возможность сущностной познаваемости мира, что позволило возродить несколько угасший в европейской философии интерес к онтологии. Это, конечно, не устранило всех проблем, связанных с разработкой линии эпистемологического реализма во всем его идейном потенциале.

Для научных реалистов (а это мыслители с весьма различными общеполитическими позициями — Р. Бойд, Х. Патнэм, Р. Харре, Д. Деннет, Р. Бхаскар, Я. Хакинг, Э. Агацци и др.) фундаментальную роль стал играть сам факт успеха (прогресса) научного познания. Х. Патнэм выразил эту позицию в знаменитом тезисе: «...реализм есть единственная философия, которая не делает успех науки чудом» (Putnam, 1979: 73; пер. мой. — О. К.). Аргумент от «не чуда» (*no miracle argument*) представляется вполне весомым для сохранения реалистских позиций в эпистемологии, что оказывает существенное и положительное влияние на научное познание как познание с обязательной рефлексией, предусматривающей с необходимостью и оптимистический настрой.

Реальность в широком смысле постулируется в качестве объяснительно-смысловой определенности, не совпадающей с внешним слоем бытия познаваемых объектов и соотносимой с теоретическими построениями. Для многих последователей научного реализма в таком понимании реальность развертывается в самом процессе научного познания, потому признается принципиальная возможность для научных теорий непрерывно приближаться к истине. Современный научный реализм по крайней мере является способом обоснования того, почему человек не удовлетворяется полученным знанием и постоянно стремится выйти за пределы достигнутого.

Для научных реалистов, по авторитетному заключению Л. Б. Макеевой, «истина считается достижимой, а главным инструментом для построения истинного описания мира объявляется наука» (Макеева, 2009: 25). Важно, что они признают истину в качестве идеала, «к которому наука будет постоянно стремиться, обладая на каждом этапе “приблизительно” или “относительно” истинными теориями» (там же). Реализм в данной его версии стал своеобразным напоминанием о том, что стремление к истине есть максима научного познания и гарантия его идентичности.

С другой стороны, как абсолютно справедливо отмечено, идея истины состоит в первую очередь «в уважении к *реальности* (а не к авторитету, личному пристрастию, интересу, пользе и т. д.), в признании того, что ученый исследует реальность с целью получения *знания о мире*, а не занимается анализом собственного сознания или построением какого-либо мифа, литературного текста или художественного образа» (Черткова, 2014: 70–71). А самое главное, современный научный реализм, как подчер-

кивает В. Н. Порус, отчетливо выражает «стремление опереться на науку в противовес скептицизму и иррационализму» (Порус, 2002: 241), а также, надо добавить, и радикальному релятивизму.

Современные критики научного реализма — откровенные антиреалисты — во многом свои аргументы черпают из уже давно, казалось бы, сошедшего на нет позитивизма. Они пытаются эмпирическую адекватность считать единственным основанием для принятия теоретических моделей, даже если они противоречат друг другу в объяснительных положениях.

Например, один из наиболее радикальных представителей конструктивизма (откровенно манифестирующего свою альтернативность научному реализму) Бас ван Фраассен (Bas van Fraassen) заявляет, что научное исследование есть именно конструирование моделей наблюдаемых явлений, а не открытие ненаблюдаемых (*unobservable*) сущностей (Fraassen, 1980: 5). Нормой научного познания у него признана прямая эмпирическая адекватность теории, понимаемой Фраассеном в качестве произвольной конструкции. Свой конструктивистский эмпирицизм он объявляет способом «преодоления» реализма. Правда, такой способ в итоге предстал некой реинкарнацией позитивизма в своеобразной снятой форме, конвергировавшей три стадии эволюции последнего, — первую (О. Конт), вторую (Э. Мах) и третью, неопозитивистскую (Венский кружок).

Такой симбиоз стал возможным за счет отказа от представлений об устойчивости, инвариантности, организованности познаваемого, а значит, и отказа от идеи достижимости объективного знания. Последнее, по сути, ставит под сомнение состоятельность науки как познавательного предприятия, нацеленного именно на получение объективного знания в интересах общества в целом.

Владимир Соловьев оказался способным распознать данные тенденции в развитии позитивизма, что и вызывало его критический настрой. Для него принципиально важным было признание необходимости достижения истины *в противовес вымыслу и субъективизму*, а также ее *объективности и всеобщего характера* (Соловьев, 1990b: 599).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что проблематизация В. С. Соловьевым реалистского подхода, несмотря на все критические выпады русского философа в его адрес, в целом свидетельствует, что у этого подхода есть значительный эвристический потенциал. Трансформации реализма в эпистемологических дискурсах XX в. доказывают, что познание (и в особенности научное) нельзя мыслить без некоторых онтологических обоснований и вне его ориентации на идеал, в качестве которого полагается истина. Концепт истины, в свою очередь, с необходимостью требовал признания не только некоего сущностного плана бытия как фокуса познавательных целей человека, но и принципиальной возможности для него выхода в сферу сущностей. Из этого следовало, что необходимо и признание субъект-объектного отношения в качестве основного в познании. Данный идейный комплекс определил востребованность реалистских принципов в эпистемологии, что вполне убедительно продемонстрировало развитие последней в XIX–XX вв. Особенно показательным в этом плане является учение о познании Владимира Соловьева, в котором не только нашли выражение ключевые принципы эпистемологического реализма, но и предугаданы определенные тенденции развертывания этой широкой платформы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор ранее обращалась собственно к анализу наивного реализма, а также и других версий реалистской платформы в эпистемологии конца XIX–XX вв. (Куликова, 2011).

² Специальному анализу позиции В. Ф. Эрна в отношении соловьевского учения о познании посвящена одна из работ автора (Куликова, 2002b).

³ Более подробно позитивистские «оттенки» гносеологии Соловьева автором рассмотрены в посвященной этой теме статье (Куликова, 2008b).

⁴ Характеристика данного течения дана автором в упоминавшейся выше статье о генезисе реализма в эпистемологии (Куликова, 2011).

⁵ Общий анализ критического реализма представлен в той же работе (Куликова, 2011).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов, А. И. (2005) Проблемы реализма, метафизики и платонизма в философском творчестве П. Д. Юркевича // Абрамов, А. И. Сборник научных трудов по истории русской философии. М. : Кругъ. 544 с. С. 496–506.

Бердяев, Н. А. (1910) Декадентство и мистический реализм // Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907–9 г.). СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза». 304 с. С. 15–27.

Браун, Дж. (2003) Объяснение успешности науки : пер. с англ. // Наука: возможности и границы : сб. ст. / под ред. Е. А. Мамчур. М. : Наука. 293 с. С. 46–62.

Гайденко, П. П. (1999) Метафизика конкретного всеединства, или Абсолютный реализм С. Л. Франка // Вопросы философии. № 5. С. 114–150.

Гайденко, П. П. (2001) Философия всеединства В. С. Соловьева // История русской философии / редкол.: М. А. Маслин и др. М. : Республика. 639 с. С. 334–348.

Головко, Н. В. (2013) Натурализация метафизики: научный реализм и диалектический материализм // Вопросы философии. № 8. С. 24–33.

Гуссерль, Э. (1992) Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию (главы из книги) // Вопросы философии. № 7. С. 136–176.

Добронравов, С. В. (2000) Дискуссия «реалистов» и «идеалистов» в русской философии начала XX века : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М. 20 с.

Евлампиев, И. И. (1995) Человек перед лицом абсолютного бытия: мистический реализм Семена Франка (вступит. ст.) // Франк, С. Л. Предмет знания: Об основах и пределах отвлеченного знания; Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. СПб. : Наука. 656 с. С. 5–34.

Ермичев, А. А. (1997) Реализм марксистствующего позитивизма // Философия реализма: Из истории русской мысли : [сб. ст.] / отв. ред. А. Ф. Замалеев. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 145 с. С. 61–85.

Зеньковский, В. В. (2001) История русской философии. М. : Академический проект ; Раритет. 880 с.

Зеньковский, В. В. (2008) Идея христианского реализма (По поводу книги С. Л. Франка «Свет во тьме») // Зеньковский, В. В. Собр. соч. : в 4 т. М. : Русский путь. Т. 1: О русской философии и литературе: Статьи, очерки и рецензии (1912–1961). 448 с. С. 181–184.

Иванов, В. И. (1979) Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов, В. И. Собр. соч. : в 4 т. Брюссель : Жизнь с Богом. Т. 3. 896 с. С. 295–307.

Касавин, И. Т. (2013) Социальная эпистемология, натуралистическая онтология и реализм // Эпистемология и философия науки. Т. XXXVIII. № 4. С. 90–103.

Конт, О. (2001) Дух позитивной философии : пер. с фр. СПб. : С.-Петербург. филос. о-во. 162 с.

Коробкова, С. Н. (2012) Концепция реализма в истории русской мысли // Вече : журнал русской философии и культуры. № 24. С. 105–122.

Куликова, О. Б. (2000) Образы трех родов знания в «Критике отвлеченных начал» Вл. Соловьева и позитивистская парадигма познания // Владимир Соловьев и философско-культуроло-

гическая мысль XX века : мат. Междунар. науч. конф. (Иваново, 17–19 мая 2000 г.). Иваново : Ивановский гос. энергетический ун-т. 286 с. С. 27–30.

Куликова, О. Б. (2001) Гносеологический аспект отношений веры и разума в контексте воззрений Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. Вып. 1. С. 109–123.

Куликова, О. Б. (2002а) Принципы научного познания: тенденции исторической трансформации // Вестник ИГЭУ. Вып. 2. С. 127–130.

Куликова, О. Б. (2002б) В. Ф. Эрн о гносеологии Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. Вып. 4. С. 193–199.

Куликова, О. Б. (2003) Концептуальная связь гносеологии Вл. Соловьева и учений эволюционной эпистемологии конца XX века // Соловьевские исследования. Вып. 7. С. 164–180.

Куликова, О. Б. (2005) Иррациональные основания российской науки и ее будущее // Философия и будущее цивилизации : тезисы докл. и выступ. IV Российского филос. конгр. (Москва, 24–28 мая 2005 г.) : в 5 т. М. : Современные тетради. Т. 5. 696 с. С. 647–648.

Куликова, О. Б. (2008а) Концепция субъекта познания в гносеологии Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. Вып. 17. С. 56–67.

Куликова, О. Б. (2008б) Наука и философия в концепциях О. Конта (первого позитивизма) и Вл. Соловьева: современное прочтение // Соловьевские исследования. Вып. 16. С. 74–91.

Куликова, О. Б. (2009) Объективность как принцип научного познания: тенденции становления и исторической трансформации // Гуманитарное сознание: проблемы, поиски и перспективы : тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 8–9 апреля 2009 г.) : в 2 т. / под науч. ред. З. И. Ивановой, Е. Г. Кривых, Н. Г. Милорадовой. М. : Моск. гос. строительный ун-т. Т. 1. 224 с. С. 49–54.

Куликова, О. Б. (2010а) Концепт реальности и проект «Наука» // Вестник ИГЭУ. Вып. 1. С. 70–73.

Куликова, О. Б. (2010б) Научный реализм и современное научное познание // Актуальные проблемы современной когнитивной науки : мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Иваново, 15–16 октября 2009 г.). Иваново : ОАО «Изд-во “Иваново”». 260 с. С. 244–247.

Куликова, О. Б. (2010с) Реализм как эпистемологическая концепция в проблематизации В. С. Соловьева // Философия В. С. Соловьева в межкультурной коммуникации: к 110-летию со дня смерти В. С. Соловьева и 20-летию праведной кончины протоиерея Александра Меня : мат. Междунар. науч. конф. (Иваново, 23–25 сентября 2010 г.). Иваново : Ивановский гос. энергетический ун-т. 136 с. С. 68–71.

Куликова, О. Б. (2011) Генезис реализма как эпистемологической позиции и основания научного познания // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 38–43.

Куликова, О. Б. (2012) Научность как основание университетского образования в России: специфика становления // Соловьевские исследования. Вып. 2 (34). С. 20–48.

Куликова, О. Б. (2013) Скептицизм Д. Юма и эпистемологический реализм XX века // Известия высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. Т. 4. Вып. 4. С. 272–276.

Ладов, В. А. (2009) Формальный реализм // Логос. № 2 (70). С. 11–23.

Лекторский, В. А. (2009) Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация». 368 с. С. 5–40.

Лесевич, В. В. (1915) Письма о научной философии // Лесевич, В. В. Соч. : в 3 т. М. : Изд. Ю. В. Леонтович ; Кн-во писателей в Москве. Т. 1. 647 с. С. 453–647.

Лопатин, Л. М. (1901) Философское мирозерцание В. С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. Кн. 56 (1). С. 45–91.

Макеева, Л. Б. (2009) Научный реализм, истина и недоопределенность теорий эмпирически данными // Логос. № 2 (70). С. 24–36.

Макеева, Л. Б. (2011) Язык, онтология и реализм. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 310 с.

Мамчур, Е. А. (1999) Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности // Философия науки. Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. М. : ИФ РАН. 281 с. С. 10–30.

- Мотрошилова, Н. В. (1997) Размежевание с Декартом в русской философии Серебряного века (В. С. Соловьев и С. Л. Франк) // Бессмертие философских идей Декарта : [Мат. Междунар. конф., посвященной 400-летию со дня рождения Рене Декарта]. М. : ИФ РАН. 181 с. С. 143–159.
- Порус, В. Н. (2002) «Научный реализм»: проблемы, дискуссии, перспективы // Порус, В. Н. Рациональность, наука, культура. М. : Ун-т Рос. академии образования. 352 с. С. 217–241.
- Роинский, С. Б. (2010) Формирование основ онтологии всеединства // Соловьевские исследования. Вып. 3 (27). С. 4–11.
- Соловьев, В. С. (1990а) Кризис западной философии (против позитивистов) // Соловьев, В. С. Соч. : в 2 т. М. : Мысль. Т. 2. 822 с. С. 3–138.
- Соловьев, В. С. (1990б) Критика отвлеченных начал // Соловьев, В. С. Соч. : в 2 т. М. : Мысль. Т. 1. 892 с. С. 581–744.
- Франк, С. Л. (1990) Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии // Франк, С. Л. Соч. М. : Правда. 608 с. С. 181–559.
- Черткова, Е. А. (2014) Истина как этическая проблема эпистемологии // Философия науки. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях / отв. ред. И. А. Герасимова. М. : ИФ РАН. 301 с. С. 64–79.
- Эрн, В. Ф. (1994) Гносеология В. С. Соловьева // Сборник статей о В. Соловьеве С. Булгакова, В. Иванова, князя Е. Трубецкого, А. Блока, Н. Бердяева, В. Эрн. Брюссель : Жизнь с Богом. 265 с. С. 167–264.
- Юлина, Н. С. (2010) Философская мысль в США. XX век. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация». 600 с.
- Boyd, R. (1989) What realism implies and what it does not // *Dialectica*. Vol. 43. Issue 1–2. P. 5–29.
- Fraassen, B. C. van. (1980) *The scientific image*. Oxford : Clarendon Press. 235 p.
- Laudan, L. (1981) Confutation of convergent realism // *Philosophy of Science*. Vol. 48. No. 1. P. 19–49.
- Niiniluoto, I. (1999) *Critical scientific realism*. Oxford : Oxford University Press. 341 p.
- Putnam, H. (1979) *Mathematics, matter and method*. *Philosophical papers*. Vol. I. 2nd edn. Cambridge : Cambridge University Press. 364 p.
- Putnam, H. (1982) Three kinds of scientific realism // *The Philosophical Quarterly*. Vol. 32. No. 128. P. 195–200.
- Smart, J. J. C. (1963) *Philosophy and scientific realism*. L. : Routledge & Kegan Paul. 160 p.

Дата поступления: 06.05.2015 г.

*EPISTEMOLOGICAL REALISM IN THE CONTEXT
OF VLADIMIR SOLOVYOV'S IDEAS*

O. B. KULIKOVA

(IVANOVO STATE POWER ENGINEERING UNIVERSITY)

In this article, we treat epistemology as a special type of cognition theory which appeared in the Modern Age. Unlike gnoseology, epistemology is always determined by a certain ontological basis it rests upon. Epistemological realism, in its turn, is understood here as a philosophical framework which helps comprehend the problem of cognition in accordance with a certain ontological position. In general, epistemological realism justifies scientific cognition and its capability to approximate truth as the ideal knowledge and as the essence of the cognizable, which necessitates a recourse to ontological issues.

The article shows the development of the realist strand in 19th and 20th century epistemology from naïve realism to scientific realism. In the Russian philosophy, realism found both its critics and followers. It was Vladimir Solovyov who focused on to epistemological realism in developing his doctrine of all-unity, also anticipating some of its further trends. Solovyov critiqued the naïve realism which was typical for the positivist theory of cognition. As we show in the article, his critique was well-justified.

20th century Western philosophy produced three versions of epistemological realism: neo-realism, critical realism and scientific realism. We examine them here in the context of Solovyov's philosophical thought. Contemporary scientific realism appears to be the most convincing attempt of explaining how scientific cognition can approximate truth. In a number of ways, it overlaps with Vladimir Solovyov's gnoseology.

Keywords: epistemology; gnoseology; ontological foundations of epistemology; epistemological realism; Vladimir Solovyov; naive realism; positivism; neo-realism; critical realism; scientific realism

REFERENCES

Abramov, A. I. (2005) Problemy realizma, metafiziki i platonizma v filosofskom tvorchestve P. D. Yurkevicha [Problems of realism, metaphysics and Platonism in P. D. Yurkevich's philosophical works]. In: Abramov, A. I. *Sbornik nauchnykh trudov po istorii russkoi filosofii* [A collection of works on the history of Russian philosophy]. Moscow, Krug Publ. 544 p. Pp. 496–506. (In Russ.).

Berdyayev, N. A. (1910) Dekadentstvo i misticheskiy realizm [Decadence and mystical realism]. In: Berdyayev, N. A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii: Stat' i po obshchestvennoi i religioznoi psikhologii (1907–9 g.)* [The spiritual crisis of the intelligentsia: Essays on social and religious psychology (1907–1909)]. St. Petersburg, Printing partnership "Obshchestvennaia pol'za". 304 p. Pp. 15–27. (In Russ.).

Brown, J. R. (2003) Ob'iasnenie uspekhov nauki [Explaining the success of science]. In: *Nauka: vozmozhnosti i granitsy* [Science: Possibilities and limits]: A collection of articles / ed. by E. A. Mamchur. Moscow, Nauka Publ. 293 p. Pp. 46–62. (In Russ.).

Gaidenko, P. P. (1999) Metafizika konkretnogo vseidinstva, ili Absoliutnyi realizm S. L. Franka [The metaphysics of actual all-unity, or S. L. Frank's Absolute realism]. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 114–150. (In Russ.).

Gaidenko, P. P. (2001) Filosofii vseidinstva V. S. Solov'eva [V. S. Solovyov's philosophy of all-unity]. In: *Istoriia russkoi filosofii* [History of the Russian philosophy]. Moscow, Respublika Publ. 639 p. Pp. 334–348. (In Russ.).

Golovko, N. V. (2013) Naturalizatsiia metafiziki: nauchnyi realizm i dialekticheskiy materializm [Naturalization of metaphysics: Scientific realism and dialectical materialism]. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 24–33. (In Russ.).

Husserl, E. (1992) Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naiia fenomenologiiia. Vvedenie v fenomenologicheskuiu filosofiiu (glavy iz knigi) [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology: An introduction to phenomenological philosophy (fragments)]. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 136–176. (In Russ.).

Dobronravov, S. V. (2000) *Diskussiiia «realistov» i «idealistov» v russkoi filosofii nachala XX veka* [Discussion of "realists" and "idealists" in early 20th century Russian philosophy]: Abstract of the diss. ... Candidate of Philosophy. Moscow. 20 p. (In Russ.).

Evlampiev, I. I. (1995) Chelovek pered litsom absoliutnogo bytiia: misticheskiy realizm Semena Franka (vstupitel'naia stat'ia) [Man facing absolute being: The mystical realism of Semyon Frank (An introduction)]. In: Frank, S. L. *Predmet znaniia: Ob osnovakh i predelakh otvlechen'nogo znaniia; Dusha cheloveka: Opyt vvedeniia v filosofskuiu psikhologiiu* [The subject of knowledge: On the foundations and limits of abstract knowledge; The soul of man: An introduction to philosophical psychology]. St. Petersburg, Nauka Publ. 656 p. Pp. 5–34. (In Russ.).

Ermichev, A. A. (1997) Realizm marksistvuiushchego pozitivizma [The realism of a Marxianizing positivism]. In: *Filosofiiia realizma: Iz istorii russkoi mysli* [The philosophy of realism: From the history of the Russian thought]: A collection of articles / ed. by A. F. Zamaleev. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ. 145 p. Pp. 61–85. (In Russ.).

Zenkovsky, V. V. (2001) *Istoriia russkoi filosofii* [The history of the Russian philosophy]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. ; Raritet Publ. 880 p. (In Russ.).

Zenkovsky, V. V. (2008) Ideia khristianskogo realizma (Po povodu knigi S. L. Franka «Svet vo t'me») [The idea of Christian realism (On S. Frank's "Light in Darkness")]. In: Zenkovsky, V. V.

Sobranie sochinenii [Collected works] : in 4 vols. Moscow, Russkii put' Publ. Vol. 1: *O russkoi filosofii i literature: Stat'i, ocherki i retsenzii (1912–1961)* [On Russian philosophy and literature: Articles, essays and reviews (1912–1961)]. 448 p. Pp. 181–184. (In Russ.).

Ivanov, V. I. (1979) Religioznoe delo Vladimira Solov'eva [The religious case of Vladimir Solovyov]. In: Ivanov, V. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works] : in 4 vols. Brussels, Zhizn's Bogom Publ. Vol. 3. 896 p. Pp. 295–307. (In Russ.).

Kasavin, I. T. (2013) Sotsial'naia epistemologiya, naturalisticheskaia ontologiya i realizm [Social epistemology, naturalistic ontology and realism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, vol. XXXVIII, no. 4, pp. 90–103. (In Russ.).

Comte, Au. (2001) *Dukh pozitivnoi filosofii* [The spirit of the positive philosophy]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo [St. Petersburg Philosophical Society Publ.]. 162 p. (In Russ.).

Korobkova, S. N. (2012) Kontseptsii realizma v istorii russkoi mysli [The concept of realism in the history of Russian thought]. *Veche*, no. 24, pp. 105–122. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2000) Obrazy trekh rodov znaniia v «Kritike otvlechennykh nachal» Vl. Solov'eva i pozitivistskaia paradigma poznaniia [Three kinds of knowledge in Vl. Solovyov's "A Critique of Abstract Principles" and the positivist paradigm of cognition]. In: *Vladimir Solov'ev i filosofskokul'turologicheskaya mysl' XX veka* [Vladimir Solovyov and philosophical and culturological thought of the 20th century] : Proceedings of the International conference (Ivanovo, May 17–19, 2000). Ivanovo, Ivanovo State Power Engineering University Publ. 286 p. Pp. 27–30. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2001) Gnoseologicheskii aspekt otnoshenii very i razuma v kontekste vozzrenii Vl. Solov'eva [The gnoseological aspect of relations between faith and reason in the context of Vl. Solovyov's views]. *Solov'evskie issledovaniia*, issue 1, pp. 109–123. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2002a) Printsipy nauchnogo poznaniia: tendentsii istoricheskoi transformatsii [Principles of scientific cognition: Tendencies of historical transformation]. *Vestnik IGEU*, issue I, pp. 127–130. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2002b) V. F. Ern o gnoseologii Vl. Solov'eva [V. F. Ern on Vl. Solovyov's gnoseology]. *Solov'evskie issledovaniia*, issue 4, pp. 193–199. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2003) Kontseptual'naia svyaz' gnoseologii Vl. Solov'eva i uchenii evoliutsionnoi epistemologii kontsa XX veka [A conceptual link between Vl. Solovyov's gnoseology and late 20th century studies in evolutionary epistemology]. *Solov'evskie issledovaniia*, issue 7, pp. 164–180. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2005) Irratsional'nye osnovaniia rossiiskoi nauki i ee budushchee [Irrational foundations of Russian science and its future]. In: *Filosofiya i budushchee tsivilizatsii* [Philosophy and future of civilization] : Abstracts of reports and papers at the 4th Russian Philosophical Congress (Moscow, May 24–28, 2005) : in 5 vols. Moscow, Sovremennye tetradi Publ. Vol. 5. 696 p. Pp. 647–648. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2008a) Kontseptsii sub'ekta poznaniia v gnoseologii Vl. Solov'eva [The concept of the subject of cognition in Vl. Solovyov's gnoseology]. *Solov'evskie issledovaniia*, issue 17, pp. 56–67. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2008b) Nauka i filosofiya v kontseptsiiakh O. Konta (pervogo pozitivizma) i Vl. Solov'eva: sovremennoe prochtenie [Science and philosophy in the theories of Au. Comte (first positivism) and Vl. Solovyov: A contemporary reading]. *Solov'evskie issledovaniia*, issue 16, pp. 74–91. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2009) Ob'ektivnost' kak printsip nauchnogo poznaniia: tendentsii stanovleniia i istoricheskoi transformatsii [Objectivity as a principle of scientific cognition: The development trends and historical transformations]. In: *Gumanitarnoe soznanie: problemy, poiski i perspektivy* [Humanities consciousness: Problems, quests and prospects] : Proceedings of the International research-to-practice conference. Moscow, April 8–9, 2009 / ed. by Z. I. Ivanova, E. G. Krivykh and N. G. Miloradova] : in 2 vols. Moscow, Moscow State University of Civil Engineering Publ. Vol. 1. 224 p. Pp. 49–54. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2010a) Kontsept real'nosti i proekt «Nauka» [The concept of reality and the Science Project]. *Vestnik IGEU*, issue 1, pp. 70–73. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2010b) Nauchnyi realizm i sovremennoe nauchnoe poznanie [Scientific realism and contemporary scientific cognition]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi kognitivnoi nauki* [Urgent issues of contemporary cognitive science]: Proceedings of the International research-to-practice conference. (Ivanovo, October 15–16, 2009). Ivanovo, Ivanovo Publ. JSC. 260 p. Pp. 244–247. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2010c) Realizm kak epistemologicheskaia kontseptsia v problematizatsii V. S. Solov'eva [Realism as an epistemological concept as problematized by V. S. Solovyov]. In: *Filosofia V. S. Solov'eva v mezkul'turnoi kommunikatsii: k 110-letiiu so dnia smerti V. S. Solov'eva i 20-letiiu pravednoi konchiny protoiereia Aleksandra Menia* [V. S. Solovyov's philosophy in intercultural communication: To the 110th anniversary of the death of Vladimir Solovyov and the 20th anniversary of the death of Archpriest Aleksandr Men']: Proceedings of the International conference (Ivanovo, September 23–25, 2010). Ivanovo, Ivanovo State Power Engineering University Publ. 136 p. Pp. 68–71. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2011) Genezis realizma kak epistemologicheskoi pozitsii i osnovaniia nauchnogo poznaniia [The genesis of realism as an epistemological position and the foundations of scientific cognition]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 38–43. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2012) Nauchnost' kak osnovanie universitetskogo obrazovaniia v Rossii: spetsifika stanovleniia [Scientism as the foundation of university education in Russia: Specifics of formation]. *Solov'evskie issledovaniia*, issue 2 (34), pp. 20–48. (In Russ.).

Kulikova, O. B. (2013) Skepticizm D. Iuma i epistemologicheskii realizm XX veka [D. Hume's skepticism and 20th century epistemological realism]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 4, issue 4, pp. 272–276. (In Russ.).

Ladov, V. A. (2009) Formal'nyi realizm [Formal realism]. *Logos*, no. 2 (70), pp. 11–23. (In Russ.).

Lektorskii, V. A. (2009) Realizm, antirealizm, konstruktivizm i konstruktivnyi realizm v sovremennoi epistemologii i nauke [Realism, antirealism, constructivism and constructive realism in contemporary epistemology and science]. In: *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [The constructivist approach in epistemology and human sciences] / ed. by V. A. Lektorskii. Moscow, Kanon+ Publ., RPOD "Reabilitatsiia". 368 p. Pp. 5–40. (In Russ.).

Lesevich, V. V. (1915) Pis'ma o nauchnoi filosofii [Letters on scientific philosophy]. In: Lesevich, V.V. *Sochineniia* [Works]: in 3 vols. Moscow, Yu. V. Leontovich's Publ.; Writers' Publishing House in Moscow. Vol. 1. 647 p. Pp. 453–647. (In Russ.).

Lopatin, L. M. (1901) Filosofskoe mirosozertsanie V. S. Solov'eva [V. S. Solovyov's philosophical world view]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, bk. 56 (I), pp. 45–91. (In Russ.).

Makeeva, L. B. (2009) Nauchnyi realizm, istina i nedoopredelennost' teorii empiricheskimi dannymi [Scientific realism, truth and the underdetermination of theory by empirical data]. *Logos*, no. 2 (70), pp. 24–36. (In Russ.).

Makeeva, L. B. (2011) *Iazyk, ontologiya i realizm* [Language, ontology and realism]. Moscow, Publ. House of the Higher School of Economics. 310 p. (In Russ.).

Mamchur, E. A. (1999) Reliativizm v traktovke nauchnogo znaniia i kriterii nauchnoi ratsional'nosti [Relativism in the interpretation of scientific knowledge and criteria of scientific rationality]. In: *Filosofia nauki* [The philosophy of science]. Issue 5: *Filosofia nauki v poiskakh novykh putei* [The philosophy of science in search of new ways]. Moscow, Publ. House of the Institute of Philosophy RAS. 281 p. Pp. 10–30. (In Russ.).

Motroshilova, N. V. (1997) Razmezhevanie s Dekartom v russkoi filosofii Serebriannogo veka (V. S. Solov'ev i S. L. Frank) [Delimitation with Descartes in the Russian philosophy of the Silver age (V. S. Solovyov and S. L. Frank)]. In: *Bessmertie filosofskikh idei Dekarta* [The immortality of Descartes' philosophical ideas]: Proceedings of the International conference dedicated to the 400th anniversary of René Descartes' birth. Moscow, Publ. House of the Institute of Philosophy, RAS. 181 p. Pp. 143–159. (In Russ.).

Porus, V. N. (2002) «Nauchnyi realizm»: problemy, diskussii, perspektivy ["Scientific realism": Problems, discussions, prospects]. In: Porus, V. N. *Ratsional'nost', nauka, kul'tura* [Rationality, sci-

ence, culture]. Moscow, University of the Russian Academy of Education Publ. 352 p. Pp. 217–241. (In Russ.).

Rotsinskii, S. B. (2010) Formirovanie osnov ontologii vseidinstva [Setting up the foundations of the ontology of all-unity]. *Solov'evskie issledovaniia*, issue 3 (27), pp. 4–11. (In Russ.).

Solovyov, V. S. (1990a) Krizis zapadnoi filosofii (protiv pozitivistov) [The crisis of Western philosophy (Against positivists)]. In: Solovyov, V. S. *Sochineniia* [Works] : in 2 vols. Moscow, Mysl' Publ. Vol. 2. 822 p. Pp. 3–138. (In Russ.).

Solovyov, V. S. (1990b) Kritika otvlechennykh nachal [A critique of abstract principles]. In: Solovyov, V. S. *Sochineniia* [Works] : in 2 vols. Moscow, Mysl' Publ. Vol. 1. 892 p. Pp. 581–744. (In Russ.).

Frank, S. L. (1990) Nepostizhimo: Ontologicheskoe vvedenie v filosofiiu religii [The incomprehensible: An ontological introduction to the philosophy of religion]. In: Frank, S. L. *Sochineniia* [Works]. Moscow, Pravda Publ. 608 p. Pp. 181–559. (In Russ.).

Chertkova, E. L. (2014) Istina kak eticheskaia problema epistemologii [Truth as an ethical problem of epistemology]. In: *Filosofiiia nauki* [The philosophy of science]. Issue 19: *Epistemologiya v mezhdistsiplinarnykh issledovaniakh* [Epistemology in interdisciplinary research] / ed. by I. A. Gerasimova. Moscow, Publ. House of the Institute of Philosophy, RAS. 301 p. Pp. 64–79. (In Russ.).

Ern, V. F. (1994) Gnoseologiya V. S. Solov'eva [V. S. Solovyov's gnoseology]. In: *Sbornik statei o V. Solovyove S. Bulgakova, V. Ivanova, kniazia E. Trubetskogo, A. Bloka, N. Berdiaeva, V. Erna* [A collection of articles on V. Solovyov by S. Bulgakov, V. Ivanov, Prince E. Trubetskoy, A. Blok, N. Berdyayev, V. Ern]. Brussels, Zhizn' s Bogom Publ. 265 p. Pp. 167–264. (In Russ.).

Yulina, N. S. (2010) *Filosofskaia mysl' v SShA. XX vek* [Philosophical thought in the United States. The 20th century] : A monograph. Moscow, Kanon+ Publ., RPOD "Reabilitatsiia". 600 p. (In Russ.).

Boyd, R. (1989) What realism implies and what it does not. *Dialectica*, vol. 43, issue 1–2, pp. 5–29.

Fraassen, B. C. van. (1980) *The scientific image*. Oxford, Clarendon Press. 235 p.

Laudan, L. (1981) Confutation of convergent realism. *Philosophy of Science*, vol. 48, no. 1, pp. 19–49.

Niiniluoto, I. (1999) *Critical scientific realism*. Oxford, Oxford University Press. 341 p.

Putnam, H. (1979) *Mathematics, matter and method. Philosophical papers*. Vol. I. 2nd edn. Cambridge : Cambridge University Press. xiv, 364 p.

Putnam, H. (1982) Three kinds of scientific realism. *The Philosophical Quarterly*, vol. 32, no. 128, pp. 195–200.

Smart, J. J. C. (1963) *Philosophy and scientific realism*. London, Routledge & Kegan Paul. 160 p.

Submission date: 06.05.2015.

Куликова Ольга Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Ивановского государственного энергетического университета; докторант кафедры философии Ивановского государственного университета. Адрес: 153003, Россия, г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34. Тел.: +7 (4932) 26-97-84. Эл. адрес: kulickovaolg@yandex.ru

Kulikova Olga Borisovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Ivanovo State Power Engineering University; Doctoral Candidate, Department of Philosophy, Ivanovo State University. Postal address: 34 Rabfakovskaia St., 153003 Ivanovo, Russian Federation. Tel.: +7 (4932) 26-97-84. E-mail: kulickovaolg@yandex.ru